

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398(=512)+394.3+781.7
DOI 10.25205/2312-6337-2019-2-33-44

Г. А. Дорджиева

Летняя школа «Мосты в Россию» при Гарвардском университете, Бостон (США)

***Тоһруһан бишлүлхм*¹: журавлиные наигрыши и танцы в традиционной культуре калмыков**

В статье представлены полевые материалы, связанные с почитанием журавлей в традиционной культуре калмыков. Прослеживаются общие элементы ритуалов *Тоһруһан бишлүлхм* ‘заставить журавлей танцевать’ и *Ова тьях* ‘жертвоприношение хозяину местности’. Рассматриваются рассказы-былички о проклятии журавлей, в том числе истории, связанные с трагическими событиями XX столетия. В научный обиход впервые вводятся музыкальные записи *Тоһруна би* ‘Журавлиный танец’, описание кругового танца с имитацией движений и голоса журавля. Выявляются характеристики музыкально-поэтических текстов. Прослеживаются музыкально-этнографические параллели в культурах ряда народов Сибири.

Ключевые слова: калмыки, ойраты, обрядовая музыка, прагматика текста, мифология, быличка, домбра, звукоподражание, круговой танец.

В экспедиционных поездках 1990-х гг. мне удалось записать наигрыши на домбре *Тоһруна би* ‘журавлиный танец’ или *Тоһруна айс* ‘журавлиная мелодия’. Все музыкальные записи были сделаны от пожилых калмычек, родившихся в 1920-е гг. и переживших огромную по количеству событий эпоху: колхозный строй, войну, сибирскую ссылку и последующие реалии советского и постсоветского времени. Тем поразительнее оказывался их мгновенный эмоциональный отклик на расспросы об обстоятельствах исполнения наигрышей, их яркие, насыщенные реалистичными деталями описания того, как игравшая на домбре женщина как бы аккомпанировала журавлям, выступая инициатором и участником журавлиного танца. И хотя в центре исследовательского внимания находились прежде всего музыкальные тексты, собственно истории об общении с журавлями оказались не менее поразительным и важным материалом.

Записанные нарративы можно определить как рассказы-воспоминания или рассказы-былички, участником или очевидцем которого выступает сам респондент. Из деталей описаний выстраивается обрядовый комплекс *Тоһруһан бишлүлхм* (дословно: «журавлей заставить плясать»). Упоминаются реальные географические пункты, связанные с журавлиными танцами: *Хоёр аагта толһа* ‘С двумя

---

¹ Буквальный перевод с калмыцкого: «журавлей заставить плясать». Здесь и далее перевод с калмыцкого автора публикации.

Дорджиева Гиляна Андреевна – кандидат искусствоведения, преподаватель музыки Летней школы «Мосты в Россию» при Гарвардском университете = Summer school “Bridges to Russia: Culture and Social studies” at Harvard University (Бостон, США)

Контактная информация. E-mail: ghilyana@yahoo.com; ghilyanadordzhieva@gmail.com

низинами курган' вблизи п. Ики-Бухус Малодербетовского района², *хурвн толһа* 'Три кургана' рядом с п. Овата Целинного района, степь неподалеку от п. *Хар Толһа* Яшкульского района³, местность у Билько-хутора в окрестностях п. Малые Дербеты⁴:

- *Хойр аагта шим ик бугор толһа билэ, хотна захд. Энднь һовль, энднь һовль, хойр аагт шим ик бугор толһа билэ. Тер толһад мини эк даңгин одад домбран авад сууһад, эн айсиг цокад, хавр болад, тоһрун ирчкэд* 'С двумя вершинами раздвоенный такой большой холм был, рядом с поселком. С одной стороны низина, и с другой низина, посередине такой большой, с двумя вершинами бугор был. Вот на этот курган моя мама постоянно ходила с домброй, садилась, эту мелодию играла весной, когда журавли прилетали'⁵.

- «Недалеко от поселка Овата, там Три бугра, брат там стоял [т.е. находилась животно-водческая стоянка]. А рядом с *Толһа* [с курганом] была такая ложбинка, вода после дождя собиралась, и рядом поле пшеничное. Небольшой бугорочек, журавли слетались рядышком»⁶.

На вопросы о времени проведения обряда чаще всего указывается весенняя пора гнездования журавлей:

- «Когда паруются, гнездятся»⁷.

- *Хаврт, цасн хээлхлэ, һазр хагсла, тоһруд ирнэ. Тоһруд ирэд, толһад эргнэ, одак келкэнцг түүгэд. Тер цагт эднчн тер толһаһан эргэһаһад, тер цагла мини эк тер Хоёр ааһин тоһруд ирчк очч билүлх кергтэ гихэд. Мадниг хойриг икэр күүкн билэвидн – Булгаш гигэд, мини эгч, Боовуш би, - ма хойриг, хойрталан авад, домбран адһч авад, һардг билэ* 'Весной, как снег растает, земля просохнет, журавли прилетают. Журавли прилетят, над бугром собираются, завязи цветков клюют. В то время, как они над бугром кружатся, тогда моя мама на тот с Двумя вершинами курган собирается, говорит, что журавли прилетели, надо пойти заставить их танцевать. Нас, двоих старших девочек – Булгаш, мою старшую сестру, и меня, Бовуш, – нас двоих взяв, домбру схватив в руку, отправлялась»⁸.

- *Апрелин дундур, как һазр хагсх. Энчн ээрмдэн в первых числах уже апреля хавр болад, һазр хагсна* 'В середине апреля, как земля просохнет. Иногда в первых числах уже апреля весна наступает, когда земля просохнет'⁹.

Упоминается, что такую встречу нужно было проводить ранним утром – *өрин үд алднд*. Обряд начинался кроплением молоком, подношением священной пищи – *дееж*¹⁰:

- *Мана ээж цэ чанад, борцг болһад, тер толһад, тер тоһрун бишлдг толһад авч оддг билэ. Үс цацад, цаһан-улан мөңг тэвчкэд, тиигэд, борцг авч одад, тэвэд, цээһан дееж бэрэд, тиигэд, буудя цацад...* *Тер тоһрун ээжд таньдг билэ как-то* 'Наша мама молочный чай варила, борцоки жарила, на тот курган, где журавли танцевали, приносила. Молоко брызгала, белую-красную монеты клала, потом, борцоки принеся, *дееж* поставив, зерно рассыпала... Те журавли с мамой знакомы были как-то'¹¹.

Е. Т. Бугдаева вспоминает, что Б. П. Амбекова произносила свою особую молитву и учила их, девочек-родственниц лет десяти-одиннадцати, как нужно приглашать журавлей:

- «Мы *мөргэд* [молясь] кланялись, сложив руки, как обычно молятся. Просили: "*Нэртэн ирчхэтн!*" ['Приходите на праздник!']. Сначала *үсэн тэвэд, мөргэд* ['молоко поставив, помолившись'], Бовуш начинает играть, нам приказано сидеть молча. И журавли не ачинают собираться. Одна, две пары... И начинают танцевать, подпрыгивают под музыку»¹².

Воспоминания разных исполнительниц сходны в описании того, как, заслышав особую мелодию, журавли один за другим слетаются, собираются и начинают танцевать:

² Б. П. Амбекова, Е. Т. Бугдаева. Здесь и далее: подробные сведения о записях см. в списке архивных материалов.

³ В. С. Тягинова.

⁴ Е. Т. Бугдаева.

⁵ Б. П. Амбекова.

⁶ Е. Т. Бугдаева.

⁷ Е. Т. Бугдаева.

⁸ Б. П. Амбекова.

⁹ Б. П. Амбекова.

¹⁰ *Дееж* – почетное угощение, в данном случае первая чаша молочного чая.

¹¹ Е. Т. Бугдаева.

¹² Е. Т. Бугдаева.

- *Би үкр хээж авад* [‘я коров пасу’], как начну это играть, лошадь пугаю, пускаю... Ох, они, – то шесть, восемь, двенадцать, тринадцать, пятнадцать, – собираются. Отец говорит: «О, шар күүкн тоһрунд бишлүлжэ! [‘О, моя рыжеволосая девочка журавля заставляет танцевать!’]»¹³

- *Шуд, иһэд ээж домбр цокад суухла, тадн эдл, тишгэд ирэд өөр бишлх. Они же дасхчкхн тоһрун... көгшин тоһруд. Тишгчкэд, дууһан медүлчкэд, тер аагт ирхлэрн... Тер толһа деер, терүнд аагин хойр тоһрун түнд ирэд, эргэд бээдг тер хойр тоһрун ирчкэд бишлэд. Тер хойр тоһрун эклэд бишлчкэ, эндэс-тендэс тоһруд дала болжэ oddг, һучн-дөчн тоһрун, шуд, дала иһэд болжэ oddг* ‘Прямо вот так мама играла на домбре, сидела рядом, прямо как вы сейчас рядом сидите со мной, тогда, прилетев, журавли прямо рядышком танцевали. Они же приученные... старые журавли. Поэтому, песню узнавая, к той развилке прилетали. На том кургане, с водой заполненными низинами, двое журавлей туда прилетали, кружили, прилетали. Те двое журавлей начинали танцевать, а потом со всех сторон много журавлей прилетало, тридцать-сорок, прямо много собиралось’¹⁴.

Помимо весеннего времени, упоминаются встречи с журавлями осенью, когда танцуют взрослые птицы с подростками птенцами:

- *Һуужмулан һуужсад уга, бийсн бишлжэнэ. Э-э, хоюрн, парой... Дэкэд намрт бишлүлнэ, намрт. Намр болхла, октябрь сард бишлүлнэ. Бас тер толһаднь одад, саак, цаһан-улан мөңгэн хаяд, үсэн цаһан идэ цацад, эн домбран цокад-дуулад оргкла, эн-тендэс тоһруд ирэд, одак толһа деерэн шуд хурхад дала болжэ одна. «Ивр-ивр» гийһэд, хугар бишлнэ, с цыпльтам, һуужмулата, һуужмултаһан. һуужмулмуднь уже өсч одсн, бичкн живрэн сажсад, йир сээхн болна тер* ‘Когда еще не вылупились птенцы, они сами танцуют. Да, вдвоем, журавль и журавлиха, парой... А потом еще осенью танцуют, осенью. Как осень наступает, в октябре танцевали. Опять на тот бугор идут, тот же самый, серебряные-медные деньги бросают, молоком – белой пищей кропят, на домбре играют и поют, отсюда-оттуда журавли прилетали, над тем холмом прямо очень много их собиралось. *Ивр-ивр* крича, все вместе танцуют, с цыпльтами, они уже с птенцами. Птенцы уже подросли, маленькими крыльями хлопают, очень красиво это было’¹⁵.

В описаниях возникают даже такие реалистичные подробности:

- «Что самое интересное: вот родители танцуют, а этот птенец не в лад, и мать его крылом бьет, крылом “хлоп!” Смешно так смотреть! Мы так хохотали, что мать его бьет... Как только сбился с такта журавленок – она его крылом “хрясть!” Не клювом, а крылом!»¹⁶

Примечательно, что для журавлей на домбре могли играть только женщины или девочки:

- *Тоһрунд күүкд улс... Одак күүкд күн өржэлин. Тоһрун тосч авдг... Кезэнэ сурһуль эрдм уга билэ, эврт цецн билгтэ ухата бээсмн кезэнэһ* ‘Для журавлей женщины играют... Те старинные женщины мягкосердечные были. Поэтому журавлей они могли привечать. В старину школы-науки не было, но своя мудрость, талант и ум были у старинных людей’¹⁷.

В некоторых рассказах такие встречи представляются как игры детей с журавлями:

- *Апрель, май сард ирчкэд, өндг дарад, һуужмулмудан һарһдг билэ. Тер цагт һуужмулмуд деернь өрдхлэг, шуд, Дэрк маань, шигэд эл-ээлэ болад бээһэд бээдг билэ. Тер тустынь ирхлэг, бишлг билэ, һуужмул деерэн. Тер һуужмул дасхдг билэ эднтн. Кеер шигэд йовад йовхлаг, туһл хэрүлх, баһ цагтан эдл-эдл күүкд, көвүдчн йовдг билэ, күүкд чигн йовдг билэ, хөөһэн таслх, яах. Хурад, эн күнлэ эдл эднтн, дасад, күүнэ кел меднэ тоһрун. Ээдгө, нисдгө билэ, маднас. Бидн шууглдад, эн-тенд, хээрнь, наад бэрэд, инэлдэд, бийсм бидн тедниг дураһад бишлдг билэвидн... Много ирдг билэ, тер цагт. Тем более, усн хур орад, хурин хөөн усн хагсж одхлаг эвр ирдг билэ. Утром рано, эн тоһруна дууг дуулхлаг, эвр сээхн нисдг билэ. Тер дуһарад «гр-р, гр-р!» гийһэд, дуһарад, эргэд бишлнэ ж тентн, как күн кевтәһәр. Дахададг шовуд, эднтн, гәхи. Бидн теднлэ наачахм кевтәһәр нааддг билэвидн* ‘В апреле, мае месяце прилетали, яйца высиживали и птенцов выводили. Если в это время подойти к их птенцам, *Дэрк маань* [‘Боже мой’] (букв.: «Тара моя»), они прямо как коршуны начинали кружить.

¹³ В. С. Тягинова.

¹⁴ Б. П. Амбекова.

¹⁵ Б. П. Амбекова.

¹⁶ Е. Т. Бугдаева.

¹⁷ Б. П. Амбекова.

Если же подойти со стороны, они танцевали над своими птенцами. Они так учили своих птенцов. Бывало, идешь по степи, пасешь телят. В детстве ровесники вместе ходили, и мальчики, и девочки, там, отделить своих овец или еще что-нибудь. [Журавли] вместе собираются, как люди. Они знают человеческий язык. Они нас не боялись и не улетали. Мы шумели, дразнили их и сами танцевали, смеялись, подражая им... Много прилетало их тогда, в то время. Тем более после дождя, когда земля подсыхала, много прилетало. Если утром рано запеть журавлиную песню, они красиво прилетали. Они издавали звуки «гр-р, гр-р» и начинали, как люди, кружась, танцевать. Это птицы, которые подражают, не боятся. Мы играли так, как будто с ними танцевали»¹⁸.

В разговоре о том, что нынешнему человеку трудно представить, как журавли могли танцевать под наигрыш домбры, Б. П. Амбекова объясняла:

- *Кезэнэ эмтс, шуд, иигэд холвдата бээсмн шовунла, юуна болучн холвдата. Яаһад тер мини эк тоһрун дууһинь дууһад, тер тоһрун билүлэд, ирэд хурад, эврэн айсь медэд. Би сурдг билэв: «Ээж, чи кенэс даслач?» «Би экэс даслав, мини эк тоһрун билүлдг билэ»* 'В старину люди прямо вот так глубоко были связаны с птицами, со всем вокруг связаны были. Вот поэтому моя мама журавлям песню пела, а те журавли начинали танцевать, собирались, прилетали, свою мелодию узнавая. Я спрашивала: «Мама, ты от кого этому научилась?» [Моя мама отвечала:] «Я от своей мамы выучила, моя мама журавлей заставляла танцевать»¹⁹.

Во всех воспоминаниях утверждается, что журавли хорошо знают свою особую журавлиную мелодию:

- «Мелодию они, оказываются, знают, эти журавли»²⁰.
- *Эднчн эврэн айсь медгдм. Теднчн меднэ, күн эдл ухата. Тоһрун күмн эдл* 'Они свою мелодию понимают. Они знают, они умные, совсем как люди. Журавли и люди одинаковы»²¹.

Наряду с рассказами о почитании и играх с журавлями, распространено поверье о том, что эти птицы наказывают тех, кто погубит их потомство. Считается что журавли чрезвычайно чадолюбивы и привязаны к своему потомству. Они жалуются, что обычно у них только один птенец, а если же тот погибает, то глубоко страдают:

- *Тшм генэртэ шовун тер. Тер юңгад гишлэг, тоһрун хойрхн өндг һарһад, хойрхн һуужмүл һардм. Терүнэс негн үржл одхла, негкм һуужмүл дахулсн тоһрун... тегэр йовхул узгднэ. Вот негн үржл одсн или же юмн алчксн болжсана* 'Очень глубоко могут страдать эти птицы. Это потому, что журавль два яйца откладывает, два птенца должны вылупиться. Но у них только один прибавляется, только один птенец следует за взрослыми журавлями... в степи можно это увидеть. Вот один только вырастает или же случается, что он погибает»²².

- *А тоһруна һуужмүл алсн күн, шуд, тас, күштэ харалт шовун, күмн эдл. Тер төлэд үлгүр бээнэ, тер тоһрун келсн болжсана, тоһрун шим генэртэ үг келсн болжсана:*

«Хөөнэ дүңгэ нанд хойрхн-негкм болдм, гижэнэ, / Бөднин дүңгэ богшурһад хөрн-һучн болдм, гижэнэ. / Ардань юуһан дахулху? / Өмнэн юуһан хэлэхү?»

'А человека, убившего птенца журавля, прямо страшно, сильно проклинают птицы, прямо как люди. Рассказывают, как журавль такие горестные слова говорит:

«Мне, размером с овцу, только одного-двоих дают, говорит, / А размером с жука воробью двадцать-тридцать детей дают, говорит. / Кто же сзади меня будет идти? / На кого же впереди меня буду смотреть?»²³

Народные представления о способности журавля проклясть во многом уточняют содержание поэтической формулы *хар келн тоһрун* ('с черным языком журавль'). Кстати, инерция формального литературного перевода названия романа крупнейшего калмыцкого писателя М. Нармаева «*Хар келн тоһрун*» (1972) как «Черноголовый журавль» долгое время влияла и на фольклористические издания. Так, начальная строка свадебной протяжной песни «*Хар келн тоһрун*» во многих изданиях переводится как «Черноголовый журавль»:

Хар келн тоһрун

Хаврин сарднь доңһдна, көөрк.

Черноголовый журавль

Кричит в весеннюю пору, беденький.

¹⁸ Г. Б. Цебекова.

¹⁹ Б. П. Амбекова.

²⁰ Т. С. Тягинова.

²¹ Б. П. Амбекова.

²² Б. П. Амбекова.

²³ Б. П. Амбекова.

*Харин хол һазрт намаг
Хээрлдэг ээжм яһтха гисмб?*

В чужую, далекую сторонку меня отправив,
Обо мне подумала ли мать?

[Хабунова, 1998, с. 40; Биткеев, 1995, с. 55–56].

Образ «журавль с черным языком» в прощальных свадебных песнях *уулудг дун*²⁴ знаменует расставание, потерю, несчастье. Т. Г. Басангова трактует значение *хар келн* ('черный язык') в связи с ритуалом исполнения *харал* ('проклятье, проклинание'), когда для произнесения проклятия язык мазали черной сажой [Басангова, 2019]²⁵. Дополняет семантическое поле *хар келн* упоминание о лечебном ритуале *хар кел таслх* ('отрезание черного проклинающего языка'), до недавнего времени практиковавшемся калмыцкими ламами.

Примечательно, как мифологические представления о проклятии журавлей актуализировались в связи с событиями XX столетия, послужили мировоззренческим основанием для их объяснения. Так, Е. К. Бугдаева рассказала семейное предание от том, что двойняшки (братья ее деда) случайно убили журавленку, поэтому журавли наслали несчастья на их род: оба брата погибли, деда сослали в начале 1920-х гг. как богача, а потом еще раз, в конце 1930-х, за участие в беспорядках против советской власти:

• «У нас, говорят, в роду двойные дети были, и один из двойняшек нечаянно убил журавленку. И проклятие журавлей на нашем роду. Отец всегда нам говорил: “Смотрите, не трогайте. Если увидите: в степи лежат журавлята – обходите стороной!” Ну, нечаянно, случайно убили... Не дай бог попасть под проклятие журавлей. Это святая птица для нас. У нас в роду не трогают ее.

Если прокляли, то бывали несчастья. Проклинают – это несчастная судьба. У нас деда по отцу сослали. Был богатый, в двадцатых сослали. У него было двое детей, старший – мой отец. Заперли деда в сельсовете, тюрьма там была, осудили. Они сидели, а вечером домой уходили чай попить. У нас, у калмыков, считается большой грех оставить человека без *тохм* [потомства]. Род должен продолжиться в любом случае. И вот когда деда забрали с двумя сыновьями и с женой, родственники со стороны бабушки выкрали моего отца, и мой дед пошел в ссылку с женой и одним ребенком. Там схоронил жену и ребенка, бежал из ссылки. Приходит домой к тестю, где сына оставил. Сестренка растила мальчика, тот к ней привык. Тогда дед сказал: “Второй раз сиротить не буду”. Так и оставил... А в двадцать девятом или в тридцатом году хончнуры, бухусы, царинцы²⁶ поубивали тройки в селах и пошли Ставку брать, в Малых Дербетах находилась ставка Тундутовых – так и называли потом – Ставка: “Ставка авчка – Советы унжотх!” [‘Ставку возьмем – Советы кончатся!']... Там в *Шава*-канаве залегла воинская часть, а наши с шашками... Под эту гребенку деда второй раз сослали, навечно. Пришла потом весть, что он в Архангельске. Там и сгинул»²⁷.

Сходные запреты на убийство журавлей и лебедей сближают оба птичьих образа в калмыцкой традиции. С.-Г. М. Горяев, поясняя, что калмыкам нельзя охотиться на журавлей и лебедей, вспоминает историю об известном партийном деятеле Андже Пюрбееве, попавшем под проклятие птиц:

• «Анджа Пюрбеев ехал в 1935 или 1936 году в Волгоград через Малые Дербеты. И на озере Длинное, там стая перелетных лебедей была, осенью, застрелил лебедя, и к ней раза три возвращался самец-лебедь, пытавшийся поднять застреленную самку... Нельзя калмыкам лебедя трогать ни под каким предлогом – будет с ним несчастье... Этого Анджу на другой год расстреляли как врага народа.

Журавля, *тоһрун*, его тоже нельзя трогать. Они сносят яйцо одно, на открытом месте, где много травы. Матка летает пищу искать, а сам журавль, хозяин, сам кругом летает, охраняет. Это удивительная птица»²⁸.

В описании ритуала *Тохруһан бишлүлхм* ‘журавля заставить плясать’ прослеживаются общие черты с обрядами почитания хозяев местности *ова тәкх*²⁹: кропление молоком, подношение белой пищи (молочный чай), *боорц*³⁰, денег на вершину курганов *Хар толһа* ‘Черный курган’, *Хойр аагта толһа* ‘С двумя низинами курган’, *һурвн толһа* ‘Три кургана’. В тексте Б. П. Амбековой к журавлю обра-

²⁴ *Уулудг дун* (букв.: «заставляющая плакать песня») – исполнялась при проводах невесты.

²⁵ Указанная статья Т. Г. Басанговой является единственной работой, в которой рассматриваются различные фольклорные жанры, связанные с образом журавля.

²⁶ Жители поселков Хонч Нур, Ики Бухус, Царын.

²⁷ Е. К. Бугдаева.

²⁸ С.-Г. М. Горяев.

²⁹ Э. П. Бакаева отмечает, что в географических условиях калмыцкой степи культ родовых гор заместился почитанием курганов *ова* – невысоких пригорков или холмов [Бакаева, 2010, с. 450].

³⁰ Жареные мучные изделия.

щаются как к Эзн ‘хозяину’: Эзн *толһан эзн тоһрун* ‘Хозяин этого кургана – журавль’. Все эти обстоятельства позволяют рассматривать *Тоһруһан бишлүлхм* в контексте поклонения «родовой местности, земле и воде, природе в целом, родовым покровителям» [Бакаева, 2010, с. 450]. Исполнение вербально-музыкальных текстов является способом осуществления своего рода диалога между представителями рода (женщины, дети) и журавлем как особым персонажем. Содержание *Тоһруна би* состоит из обращения к птицам, восхвалений, подбадриваний, описания движений: *Тоһрун келдүрэрн, Тоһруна куукн зондурарн, көлүрэрн* ‘Журавль перьями, журавленок хохолком, ногами’; *Эй, тоһрун, эргэд бишл* ‘Эй, журавль, кружась танцуй’; *Хойр жиберэн сажад бишл* ‘Двумя крыльями взмахивая, танцуй’; *Энд тус, тенд тус* ‘В эту сторону, в ту сторону’ (см. нотный пример 1). Развернутый текст Б. П. Амбековой прославляется рефренами: *Эй, тоһрун, эврэ тоһрун, / Эзн толһан эзн тоһрун!* ‘Эй, журавль, сам журавль, / Этого холма хозяин – журавль!’. В ее варианте совмещены указания на весенний и осенний сезоны, что, вероятно, следует трактовать как позднюю авторскую контаминацию: *Хавр болва цасн хээлү, Толһа деер тоһрун ирвэ* ‘Весна наступила, снег растаял, На вершину холма журавль прилетел’; *Хойр нуужмулан дасхад бишл* ‘Двоих птенцов уча, танцуй’ (нотный пример 1). Фразы, как и отдельные слова, могут многократно повторяться в свободной последовательности.

Музыкальные расшифровки³¹ представляют совместное звучание голоса и домбры. На нижней струне исполняется бурдон, на верхней – мелодия, дублирующая певицу, иногда с незначительными вариантами. Равномерно-акцентная ритмика и быстрый темп исполнения связаны с моторикой танцевальных движений. Напев Т. С. Тягиновой (нотный пример 3) без участия домбры отличается более медленным темпом – этот вариант сопровождает исполнение кругового танца. Структурной единицей наигрыша Б. П. Амбековой (нотный пример 1) является краткое мелодико-ритмическое звено – двутактовое построение с четным дроблением доли. Ладомелодическая основа двутакта с чередованием опорных и неопорных тонов задает импульс к бесконечному продлению наигрыша. Мелодия разворачивается в терцовой ячейке, наигрыш исполняется в одной позиции. Мелодия В. С. Тягиновой (нотный пример 2) опирается на двутактовые мелодико-ритмические звенья с триольным дроблением доли, но музыкальный период состоит из трех построений, разворачивающихся в квинтовом диапазоне с прилегающей нижней трихордной ячейкой. Тенденция к образованию квадратных построений в обоих наигрышах может нарушаться нечетным повтором мелодико-ритмических звеньев, согласованных с исполнением отдельных слов или звукоподражаний.

Важнейший элемент *Тоһруна би* составляют возгласы, имитирующие голос журавля: *гр-р, гр-р* в наигрыше В. С. Тягиновой; *гр-р, гр-р* при исполнении кругового танца Т. С. Тягиновой и Г. Б. Цебековой; *ивр, ивр* кричат журавли в рассказе Б. П. Амбековой. Примечательно, что эти фонетические формы чрезвычайно схожи с сонорными имитациями, зафиксированными в различных регионах Сибири: интонирование *к-рик* в песнях журавля у тубалар, *кынгкыр-кыргкыр* в песне о белом журавле у саха, в звукоподражательном припеве *куур-куур* чукотской песни журавля, в ритуальном напеве журавля с ономатопеическим текстом *кри-ру* у сургутских хантов (подробнее см.: [Шейкин, 2002, с. 214]). Тем убедительнее представляются сибирские параллели при анализе кругового журавлиного танца, исполненного жительницами п. Яшкуль Яшкульского района Калмыкии. На видеозаписи³² зафиксировано движение четырех женщин (пятая поет) по солнцу, при этом танцующие имитируют шаги птиц: мелко переступают ногами, низко наклоняются вперед и поддерживают в вытянутых руках полы *цегдэг*³³ или халатов, изображая взмахи крыльев и сопровождая танец журавлиными криками *гр-р, гр-р*. Из обширной литературы, посвященной хороводным танцам в Северной Азии, обращу внимание прежде всего на описание птичьих движений в якутском *оһуохай*, которые П. А. Ойунский связывает с брачными танцами журавлей-стерхов (см. об этом: [Алексеева, 2005, с. 107]), и круговые журавлиные или лебединые танцы эвенков Китая, подробно рассмотренные в статье А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2014]. Исследователи единодушно утверждают, что круговые танцы – подражания птицам являются одним из наиболее архаических компонентов хореографической культуры тунгусских, тюркских, сино-тибетских и монгольских народов.

Общепринятым остается мнение о том, что у ойратов нет круговых хороводных танцев, как нет и этнографических свидетельств о его бытовании у калмыков³⁴. В новых исторических условиях расселения инструментально-танцевальная культура калмыков подверглась мощной трансформации, ре-

³¹ В нотных примерах, публикуемых в данной статье, представлены фрагменты наигрышей, отражающие характер согласования голоса и добры – см. Приложение.

³² Dordzhieva Ghilyana collection, Video 2 - АНМ_V_11671.mp4

³³ Верхнее платье распашного типа у калмыков.

³⁴ См.: [Бакаева, 2014].

презентантом национального стиля оказались энергичные и динамичные, преимущественно мужские сольные танцы. Обряд *Tohpyhan bishlulxm* был связан с семейной интимной традицией, в которой участвовали только женщины и дети, возможно, поэтому он оказался обойден вниманием исследователей. Не случайно тексты журавлиных танцев были опубликованы в самозаписи народных знатоков³⁵. Наигрыши и круговой танец *Tohpyна би* следует рассматривать как отдельное уникальное явление. Хотя собственно музыкальные тексты малочисленны, они сопровождаются широким пластом преданий и быличек, актуализирующих ранние представления о журавле как о священной птице в исторических обстоятельствах последнего столетия. Представленные материалы отчетливо свидетельствуют о следах мощной архаической традиции, бытовавшей среди волжских калмыков. Ее истоки связаны с территориями более раннего расселения субэтнических групп ойратов, вошедших позже в состав калмыков, – Южно-Сибирским и Центрально-Азиатским регионами.

Список литературы

Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск, 2005.

Амбекова Б. П. Цецн булг. Родник мудрости. Элст: Джангар, 2006. (На калм и рус. яз.)

Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков // Калмыки. Отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; КИГИ РАН. М.: Наука, 2010.

Бакаева Э. П. Круговые танцы в культуре калмыков и ойратов (к постановке проблемы) // Круговые танцы: Природа – Человек – Космос / Коллективная монография под общей ред. А. Г. Лукиной. Арктический государственный ин-т культуры и искусства. Якутск, 2014. С. 104–108.

Басангова Т. Г. Журавль в фольклорной традиции калмыков // Известия Волгоградского педагогического университета. Волгоград, 2019. С. 212–217.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: Джангар, 1995.

Бурыкин А. А. К проблеме происхождения круговых танцев у народов Сибири: циркумбайкальско-тибетские параллели // Круговые танцы: Природа – Человек – Космос: Коллективная монография. Якутск, 2014. С. 21–27.

Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследования и материалы. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1998.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование / Под общ. ред. Е. С. Новик; Нотография Т. И. Игнатъевой. М.: Вост. лит., 2002.

Тягинова, 2011 – Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2011. (На калм. яз.)

Архивные материалы

Dordzhieva Ghilyana collection: Dordzhieva, Ghilyana. Kalmyk traditional music collection, 1990–2002 // World Music Archive at Harvard University

URL: <http://id.lib.harvard.edu/alma/990125633390203941/catalog>

Амбекова Бовуш Пюрвеевна, 1926 г. р., баг дербетка, ики бухус³⁶, зап. в г. Элиста 17.08.1997, AWM DAT 302_4

Горяев Сангаджи-Горя Манджиевич, 1899 г. р., хошут, зап. в г. Элиста 08.1990, 12097_2

Тягинова Вера (Бериг) Сакиловна, 1928 г. р., торгутка, зап. в п. Аршань городского округа Элисты. 13.08.1997, AWM DAT 302_3

Тягинова Таисия (Торгу) Сакиловна, 1930 г. р., торгутка, зап. в п. Яшкуль Яшкульского района Калмыкии. 20.08.1997, AWM DAT 304 (5_1)

Цебекова Гиляш Болдуровна, 1915 г. р., торгутка, гунжахна, зап. в п. Яшкуль Яшкульского района Калмыкии. 20.08.1997, AWM DAT 304 (5_1)

Цебекова Гиляш Болдуровна, 1915 г. р., торгутка, гунжахна, Яшкулова Дуукр Хараевна, 1922 г. р., торгутка, эркетен, Тягинова Таисия (Торгу) Сакиловна, 1930 г. р., торгутка, ярчин эркетен, Очинова Кермен Кокуевна, 1929 г. р., хошутка, Апуева Ангир Дольгаевна, 1925 г. р., торгутка, зюнгар; танец записан в п. Яшкуль Яшкульского района Калмыкии. 20.08.1997, Video 2 - АНМ_V_11671.mp4

³⁵ См.: [Амбекова, 2006; Тягинова, 2011].

³⁶ Здесь и далее в списке указаны субэтнические группы, к которым принадлежат исполнители.

Нотный пример 1. Исп. Амбекова Бовуш Пюрвеевна, р. 1926, баг дербетка, ики бухус, записано в г. Элиста 17.08.1997, AWM DAT 302_4

Нотный пример 2. Исп. Тягинова Вера Сакиловна, р. 1928, торгутка, Тягинова Таисия Сакиловна, р. 1930, торгутка, зап. в п. Аршань городского округа Элисты, 13.09.1997, DAT 302_3

Нотный пример 3. Исп. Тягинова Таисия Сакиловна, р. 1930, торгутка, зап. в п. Яшкуль Яшкульского района Калмыкии. 20.08.1997, AWM DAT 304

Личный архив Дорджиевой Г. А. Полевые записи 2015–2019 гг.

Бугдаева Екатерина Тюнтиковна, 1945 г. р., баг дербетка, ики манлан, үклгүд арвн, видеозапись в г. Медфорд (США), 09.2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Нотный пример 1

Тоһруна би

♩ = 134

Measures 1-9 of the piece. The bass staff contains a rhythmic accompaniment of eighth and sixteenth notes. The treble staff is empty.

Measures 10-17. Similar to the first system, with rhythmic accompaniment in the bass and empty treble.

Measures 18-25. The treble staff begins to contain a vocal melody line.

Ха - в(а)-р(ы) бол - ва ца - с(а)-н(ы) хээ - лү То-л(ы)-на дее - р(е) тоһ - ру-н(ы) ир - в(э).

Measures 26-33. Continuation of the vocal melody in the treble and accompaniment in the bass.

Эй, тоһ - ру-н(ы) эв - рэ — тоһ - рун, Э - н(е) тол - һан э - э(э)-н(ы) тоһ - рун!

Measures 34-41. Continuation of the vocal melody and accompaniment.

Эй, — тоһ - рун, эр - гә-д(ы) бии - л(э), Хо - й(е)-р(ы) жив - рән са - жа-д(ы) бии - л(э),

Measures 42-49. Final system of the piece, showing the vocal melody and accompaniment.

Хо - й(е)-р(ы) һууж - му - лан дас - ха-д(ы) бии(э) л(э)! Э - й(и), тоһ - рун, эв - рэ — тоһ - рун,

Хавр болва цасн хээлү
 Толһа деер тоһрун ирвэ.
 Эй, тоһрун, эврэ тоһрун,
 Эн толһан эзн тоһрун!
 Эй, тоһрун, эргэд бишл,
 Хойр жсиврэн сажад бишл,
 Хойр нуужмулан дасхад бишл!
 Эй, тоһрун, эврэ тоһрун,
 Эн толһан эзн тоһрун!
 Эй, тоһрун, эргэд бишл,
 Энд тус тенд тус,
 Хойр үрэн [сэ...эр ?] бишл!
 Эй, тоһрун, эврэ тоһрун,
 Эн толһан эзн тоһрун!
 Эй, тоһрун, эргэд бишл,
 Хойр үрэн дасхад бишл!
 Эй, тоһрун, эзн тоһрун,
 Эн толһан эврэн тоһрун!
 Эй, тоһрун, эзн тоһрун,
 Э-эй, тоһрун, эргэд бишл!
 Энд тус тенд тус
 Хойр үрэн дасхад бишл!
 Хойр жсиврэн сажад бишл!
 Эй, тоһрун, эзн тоһрун,
 Эн толһан эзн тоһрун!

Весна наступила, снег растаял,
 На вершину холма журавль прилетел.
 Эй, журавль, сам журавль,
 Этого холма хозяин журавль!
 Эй, журавль, кружась танцуй,
 Двумя крыльями взмахивая, танцуй,
 Двоих птенцов уча, танцуй!
 Эй, журавль, сам журавль,
 Этого холма хозяин журавль!
 Эй, журавль, кружась танцуй,
 В эту сторону, в ту сторону,
 Двоих детенышей наставляя, танцуй!
 Эй, журавль, сам журавль,
 Этого холма хозяин журавль!
 Эй, журавль, кружась танцуй,
 Двоих детенышей уча, танцуй!
 Эй, журавль, хозяин журавль,
 Этого холма сам журавль!
 Эй, журавль, хозяин журавль,
 Эй, журавль, кружась танцуй!
 В эту сторону, в ту сторону,
 Двоих детенышей уча, танцуй!
 Двумя крыльями взмахивая, танцуй!
 Эй, журавль, хозяин журавль,
 Этого холма хозяин журавль!

Нотный пример 2

Тохруна би

♩=135

Тох - рун, тоһ - рун кел - дү - рэ - р(ы)н, то - һ(ы) - рун күү - к(ә)н зо - г(ы) - д(у) - ра - р(ы)н!

Тох - рун, то - һ(ы) - рун кел - дү - рэ - р(ы)н, то - һ(ы) - рун күү - к(ә)н зо - г(ы) - д(у) - ра - р(ы)н!

Зог - д(у) - ра - р(ы)н, зог - д(у) - ра - р(ы)н, зог - д(у) - ра - р(ы)н!

Тоһрун, тоһрун келдүрэрн,
 Тоһруна күүкн зохдуарн!
 Тоһрун, тоһрун келдүрэрн,
 Тоһруна күүкн зохдуарн!
 Зохдуарн, зохдуарн, зохдуарн!

Журавль, журавль перьями,
 Журавленок хохолком!
 Журавль, журавль перьями,
 Журавленок хохолком!
 Хохолком, хохолком, хохолком!

Нотный пример 3

Тоһруна би

$\text{♩} = 98$

Тоһ - рун, то - һ(ы) - рун кел - дү - рә - р(ы)н, тоһ - рун күү - к(ы)н зо - г(ы) - д(у) - ра - р(ы)н!

Тоһ - рун, то - һ(ы) - рун кел - дү - рә - р(ы)н, тоһ - рун күү - к(ы)н зог - д(у) - ра - р(ы)н,

Грр! кел - дү - рә - р(ы)н, кел - дү - рә - р(ы)н, зог - д(у) - ра - р(ы)н, зог - д(у) - ра - р(ы)н!

Грр! Грр! Грр!

Тоһрун, тоһрун келдүрэрн,
 Тоһруна күүкн зохдуарн,көлүрэрн!
 Тоһрун, тоһрун келдүрэрн,
 Тоһруна күүкн зохдуарн!
 Келдүрэрн, келдүрэрн,
 Зохдуарн, зохдуарн!
 Гр-р! Гр-р! Гр-р!

Журавль, журавль перьями,
 Журавленок хохолком, ногами!
 Журавль, журавль перьями,
 Журавленок хохолком!
 Перьями, перьями,
 Хохолком, хохолком!
 Гр-р! Гр-р! Гр-р!

G. A. Dordzhieva

Summer school “Bridges to Russia: Culture and Social studies” at Harvard University;
ghilyana@yahoo.com; ghilyanadordzhieva@gmail.com

Crane tunes and dances in Kalmyk traditional culture

The article is devoted to the documentation of music-related phenomena of the *Togrun Bi* (Crane dance of Kalmyks). The traditional music of Kalmyks is deeply rooted in the culture of Oirad. The new geographical and ethnic environment changed and transformed it. The most obvious shift took place in the dances and musical instruments (their organology, performing style, and tunes). At the same time, on this outskirts of the Mongolian world, some unique forms and genres have been preserved.

The sources of the present research are field materials collected by author in late 1990th in Kalmykia: non-fairy tale prose, two-string *dombra* tunes with singing, onomatopoeia, and round dances. The participants of Crane praising ritual were women and children. Similar components are revealed in the ritual *Togrugan biilulkhm* (Force Crane to dance) and *Ova täkh* (a sacrifice to a host-spirit of the place). In personal stories and memoirs, the mythologic idea of the curse cast by cranes made a connection to arrests, exile and other tragic events in the history of the Kalmyks in the XX century. Characteristics of Crane dances is presented in the musical notations (made by author) and their description. There are the similarities between the Kalmyk round dance with imitations of Crane movements and calls (video recording from the settlement of Yashkul) and circular dances of Evenki, Yakuts, and some other Turkic-languages peoples of Siberia. These rare elements of Kalmyk tradition trail to the regions of South Siberia and Central Asia, from where some Oirad groups brought it to Volga region.

Keywords: Kalmyks, Oirad, ritual music, text pragmatics, mythology, non-fairy tale prose, *dombra*, onomatopoeia, round dance.

References

- Alekseyeva G. G. *Narodnopesennoe tvorchestvo v sisteme traditsionnoy muzykal'noy kul'tury dolgan* [Folk songs in the system of the Dolgans' traditional musical culture]. Yakutsk, 2005. (In Russ.)
- Ambekova B. P. *Tsetsn bulg. Rodnik mudrosti* [Source of wisdom]. Elista, Djangar Publ. House, 2006. (In Russ. and in Kalmyk)
- Bakaeva E. P. *Dobuddiyskie verovania kalmykov* [Pre-Buddhist believes of Kalmyks]. In: *Kalmyki* [Kalmyks]. Ed. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN; KIGI RAN. Moscow, Nauka Publ. House, 2010. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. *Krugovye tantsy v kul'ture kalmykov I oiratov (k postanovke problemy)* [Round dances in Kalmyk and Oirad culture (problem statement)]. In: *Krugovye tantsy: Priroda – Chelovek – Kosmos* [Round dances: Nature – Human – Cosmos]. Kollektivnaya monographia pod obschey red. A. G. Lukinoy. Arkticheckiy gosudarstvennyi in-t kul'tury i iskusstva. Yakutsk, 2014. (In Russ.)
- Basangova T. G. *Zhuravl' v fol'klornoy traditsii kalmykov* [Crane in the folk tradition of Kalmyks]. *Izvestia Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*. Volgograd, 2019, pp. 212–217. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. *Kalmutskiy pesennyi fol'klor* [Kalmyk song folklore]. Elista, Djangar Publ. House, 1995, pp. 55–56. (In Russ.)
- Burykin A. A. *K probleme proiskhozhdenia krugovuh tantsev u narodov Sibiri: tsirkumbaikal'sko-tibetskie paralleli* [On issue of the origins of round dances of Siberian peoples: Baikal-Tibetan parallels]. In: *Krugovye tantsy: Priroda – Chelovek – Kosmos* [Round dances: Nature – Human – Cosmos]. Multi-authored monograph. Chief ed. A. G. Lukina, Arkticheckiy gosudarstvennyi in-t kul'tury i iskusstva. Yakutsk, 2014, pp. 21–27. (In Russ.)
- Sheikin Yu. I. *Istoria muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The history of the musical culture of the peoples of Siberia: Comparative study]. Chief ed. E. S. Novik; note writing by T. I. Ignat'eva. Moscow, Vost. Lit. Publ. House, 2002. (In Russ.)
- Khabunova Ye. E. *Kalmytskaya svadebnaya poezia. Issledovanie i materialy* [Poetry of Kalmyk wedding. Research and materials]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo, 1998. (In Russ.)
- T. S. *Тягинован амн урн үгин көрңгэс. Fol'klornye materialy iz repertuara T. S. Tyaginovoi* [Folklore materials from T. S. Tyagunova's repertoire]. Self-recorded in 2004–2010 gg. Elista, KIGI RAN, 2011. (In Kalmyk)